

Язык нерелексивных форм познания

Кормочи Е. А.

The language of non-reflexive form of cognition

Kormochi E.A.

Abstract

The author tries identify and describe of fundamental form (means) of language of non-reflexive form of cognition. The author comes to the conclusion that fundamental form (means) of language of non-reflexive form of cognition are image, symbol and metaphor.

During the research the author considers the following aspects and problems:

- 1) basic concepts of language in European philosophy;
- 2) correlation of language, thinking and conscious;
- 3) specific and correlation of image, sign and symbol;
- 4) definition of notions «conscious - unconscious», «reflexive - non-reflexive» applying to the problem of language;
- 5) the reasons of impossibility of an adequate description and transferring of non-reflexive information;
- 6) verbal and non-verbal forms (means) of language of non-reflexive form of cognition: magic, mysticism, mantic ritual shi and bu.

Введение

В онто-гносеологическом аспекте жизнь есть когнитивный процесс, поскольку ее возникновение совпадает с формированием структур, способных получать и накапливать информацию. Любой организм и человек в частности может быть представлен в виде информационной системы. «В структуре информационного поля человека можно выделить четыре подсистемы: *генетическую, сенсорную, перцептивную и ментальную*» [21,14]. Данные подсистемы базируются на пяти имеющихся у человека способах получения информации: *экспрессия генов, ощущения,*

непосредственное восприятие, интуиция и рефлексия. Как отмечает Ю.М. Сердюков, экспрессия генов, ощущения, непосредственное восприятие и интуиция, которые могут быть названы нерефлексивными, в эволюционном и историческом аспектах предшествовали рефлексии, и потому в ранних культурно-исторических формах познания нерефлексивный фактор доминировал, а рефлексивный имел подчиненный характер. «Таковыми нерефлексивными формами познания (НФП) являются магия, мантика и мистицизм» [20,72]. НФП реализуются в сфере бессознательного и базируются на принципах, кардинальным образом отличных от принципов рассудка и рефлексии.

Чертами, позволяющими говорить о НФП, как о специфических, являются следующие: 1) снятие свойственного рефлексии разделения реальности на субъект и объект познания; 2) иная, нежели базирующаяся на действии закона противоречия, направленность познавательной деятельности субъекта; 3) иное, нежели свойственное формальной логике, толкование причинно-следственных связей; 4) трансцендирование как способ преодоления субъектом барьера между *phaenomena* и *noumena*; 5) возможность с помощью НФП проникать в область бессознательного, которая находится вне пределов самопознания и недостижима для рационального и чувственного; 6) методом познания в НФП является интуиция, форма которой зависит от культурно-исторического типа НФП; 7) невозможность адекватного описания знаний и состояний, являющихся результатом НФП, посредством вербального языка логических категорий (номинативного языка объектных высказываний).

Поскольку информация любого рода, как полученная рефлексивным способом, так и способами нерефлексивными, порождается и выражается в каких-либо формах, мы пришли к необходимости исследования языка НФП.

Обращаясь к данной проблеме, мы сталкиваемся с некоторым противоречием: с одной стороны, в философии многократно высказывалась мысль о невыразимости бессознательных содержаний, из чего можно

заклучить что адекватно описать достигаемые в НФП состояния и знания невозможно; с другой стороны, вряд ли кто-либо не согласится с тем, что именно язык является средством формирования, выражения и передачи мысли. Следовательно, проблема не в невыразимости как таковой, а в том, во-первых, о каком языке идет речь; во-вторых, какой аспект данной проблемы выдвигается на первый план. С целью разрешения указанного противоречия мы выдвигаем ряд положений, которые, на наш взгляд необходимо учесть:

1. Знания (информация) могут быть разделены на два типа [10,194]: 1) коллективные знания, главным условием функционирования которых является необходимость их понимания многими людьми, в связи с чем они эксплицируются в формах вербального языка; 2) личные знания, знания для себя, они не имеют назначения быть переданными другим и эксплицируются в формах образно-символических. Знания, являющиеся результатом НФП, ближе к знаниям личным, нежели к коллективным.

2. В психосоматическом единстве личности получаемая неререфлексивным путем информация (знания) может осмысливаться (что уже свидетельствует о процессе рефлексии) и выражаться (с целью передачи другому) только в рефлексивных формах. Следовательно, при осмыслении самим субъектом состояний и знаний, являющихся результатом НФП, и передачи их другому необходим перевод образно-символических форм в вербально-логические.

3. В данной связи проблема невыразимости состояний и знаний, являющихся результатом НФП, сводится к тому, что информация, существующая в формах образно-символических и метафорических трудно переводима в формы вербально-логические. Причины этого кроются, во-первых, в свойствах самих НФП (реализация в сфере бессознательного, снятие субъект-объектной оппозиции, недействие законов формальной логики и пр.); во-вторых, в личном характере неререфлексивной информации (она, как правило, носит характер высших истин, экзистенциально-

личностный характер, эмоционально-чувственный и т.д.). Отмеченные особенности выводят нерелексивное знание за рамки логико-мыслительной деятельности, предметно-логического содержания, в которых основополагающим является противопоставление субъекта и объекта, что реализуется в субъектно-предикатной структуре объектных высказываний номинативного языка.

4. Говоря о языковом выражении нерелексивных содержаний ментальности, необходимо разделять два аспекта в изучении данной проблемы: 1) исследование языковых средств (форм), при помощи которых сам субъект получает информацию, являющуюся результатом НФП (условно назовем этот аспект: «выражение для себя»); 2) исследование языковых средств (форм), при помощи которых субъект пытается описать, передать другим информацию, являющуюся результатом НФП (условно назовем: «выражение для других»).

НФП, которые невозможно отнести к рациональным и чувственным формам познания, занимают особое положение, совмещая существенные черты обеих форм, но обладая при этом и специфическими характеристиками, что, в свою очередь, предполагает особые средства экспликации знаний, полученных в НФП. Мы предполагаем, что нерелексивные содержания ментальности могут быть выражены (для субъекта) языком символов, образов, метафор, а не знаковым в чистом виде.

Для обоснования данного положения мы коснемся следующих моментов: 1) исследуем становление представлений о языке в европейской философии; 2) исследуем проблему взаимосвязи языка, мышления и сознания; 3) выявим специфику и взаимосвязи образа, знака и символа; 4) выявим причины невозможности адекватного описания и передачи состояний и знаний, являющихся результатом НФП, средствами вербального языка; 5) выявим и опишем специфику вербальных и невербальных средств языка НФП.

1. Язык как предмет философского исследования

В философском знании выделяется множество подходов к пониманию природы и сущности языка, которые могут быть условно объединены в две точки зрения:

Согласно первой, язык понимается как орудие, вспомогательное средство, с помощью которого осуществляется мыслительный или деятельностный акт. Язык здесь получает статус средства описания, воздействия, коммуникации, а его возникновение объясняется потребностями людей в особой сигнальной системе, функция которой - трансляция информации с помощью кодов языковой коммуникации и установление связей с другими людьми. Функционально язык представляет собой симметричную внеязыковому миру систему - он описывает, отражает, выражает, удваивает этот мир [22, 71-72]. В большей или меньшей степени сторонниками данной точки зрения можно считать Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Г.В. Лейбница, Дж. Беркли, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, неолингвистов др.

Согласно второй точке зрения, язык - самостоятельное бытие, не орудие, а отдельным мир, выступающий в собственной художественно-образной самодостаточности, диссимметричности неязыковому миру. Язык существует параллельно неязыковому миру, не отражает его, а создает культурные топосы, не ограниченные коммуникативно-сигнальной системой. Данной точки зрения на язык придерживались в той или иной степени В. фон Гумбольдт, Ф. Ницше, К. Леви-Строс, М. Хайдеггер и др.

Специфической концепцией языка о одновременно особым методом его исследования выступает философская герменевтика, представленная в концепциях П. Рикёра, Э. Корета, А.Н. Уайтхеда, Х.-Г. Гадамера и др.

Как справедливо отмечает Л.А. Микешина: «Если познание имеет дело с текстами (соответственно контекстами и подсистемами), символами - языком (естественным и искусственным) в целом, то необходимо использовать опыт герменевтики, задача которой - понимание,

интерпретация текстов, знаковых систем, символов, для постановки и решения проблемы языка в теории познания» [15, 58].

В герменевтике на первый план выдвигается субъект интерпретирующий в отличие от субъекта отражающего, что позволяет преодолеть ограниченность традиционной теории познания, где представлен предельно абстрактный субъект в форме логического или чувственного знания. Опыт герменевтики позволяет ввести в теорию познания менее абстрактного субъекта, в единстве его чувств, мышления, воли, веры и пр.

Специфическое понимание и исследование языка представлено в структурном (лингвистическом) психоанализе, созданном в середине 20 в. Ж. Лаканом. В противовес классической философии, где понятие субъекта всегда ассоциировалось с понятием сознательного субъекта, Ж. Лакан создает теорию субъекта бессознательного. Структура бессознательного, в свою очередь, уподобляется структуре языка, и более того, «Условие бессознательного - это язык» [9, 49]. Язык в данной концепции трактуется как некий структурирующий механизм, располагающийся на всех уровнях психической структуры и делающий возможным их соизмерение.

2. Проблема взаимосвязи языка, сознания и мышления

Существует несколько подходов к пониманию взаимосвязи языка, мышления и сознания. Сторонники первого считают, что мышление непредставимо без языка. Подобную точку зрения можно проследить в концепциях И.Канта, В. фон Гумбольдта, М. Мюллера, Ф.Э. Шлейермахера, Ф. де Соссюра, А.Ф. Лосева, А.А. Реформатского и др. философов и лингвистов. Сторонники второго подхода, в их числе Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Потебня, Ж. Вандриес, Б.А. Серебренников, Б. Рассел, Д.И. Дубровский и др., утверждают возможность существования определенной мыслительной деятельности без участия языка.

Для поиска оптимального решения рассматриваемой проблемы требуется, на наш взгляд, определиться с понятиями «сознание», «мышление», «язык», которые, как известно, имеют множество дефиниций.

Так, определение понятия «сознание» может быть крайне широким, в этом случае оно, во-первых, определяется как единство мыслительных и эмоционально-чувственных процессов, во-вторых бессознательное включается в сознание. Возможно, целесообразнее было бы использовать здесь термин «дух», а в его структуре выделять сознание и бессознательное, но это выходит за пределы традиции, сложившейся в отечественной философии, в которой понятия «дух» и «сознание» часто выступали как синонимы [29, 179]. В узком смысле сознание есть «самоотчет Я в собственных действиях» [10, 165]. Другие определения (например, определения сознания, данные А.Г. Спиркиным, А.В. Лекторским, А.В. Ивановым, на которые ориентируется автор) занимают позиции либо ближе к широкому определению, либо к узкому.

Понятие «мышление» выступает видовым по отношению к понятию «сознание». «Мышление - процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата. Мышление предполагает активную конструктивную деятельность по переструктурированию исходных данных, их расчленение, синтезирование и дополнение» [10, 137]. Можно выделить различные виды мышления: мышление на базе восприятия, мышление с помощью наглядных представлений, мышление на основе языка. Исторически именно последний вид мышления считался выражением сущности мышления.

Наиболее часто применяемое и имеющее, по-видимому, лингвистическое происхождение определение языка как системы знаков, служащей средством человеческого общения, мышления и выражения [29, 816], представляется нам ограниченным по своей сути и ограничивающим возможности исследователя только сферой мышления и коммуникации. Это не вполне правомерно по следующим причинам. Во-первых, данные зоопсихологии и этологии свидетельствуют о том, что язык есть не только у человека, но и у животных. Отличием этих языков служит «картина мира», лежащая в их основе: в языке животных «картина мира» близка к миру их

непосредственных восприятий, тогда как «картина мира» в языке человека простирается за пределы чувственных образов [17, 507]. Во-вторых, «Приоритет звукового языка относителен и с ним сосуществуют потенциально готовые занять его место визуально-графические, мимические и смешанные формы» [17, 506]. В-третьих, в специфике языка находит прямое отражение специфика мышления носителя языка. Так, в обществах с доминирующим пралогическим мышлением преобладает чувственно-наглядная компонента сознания, что находит отражение в образности языка. В-четвертых, если вербальный язык необходим для выражения коллективных знаний, то он мало пригоден для выражения знаний личных, которые базируются на индивидуальном восприятии и существуют часто в форме образов.

Изучив различные подходы к проблеме соотношения языка, сознания и мышления, мы считаем возможным ее решением концепцию, основывающуюся на восходящей к неоплатоникам (Плотин, Порфирий и др.) и развитую Никейскими отцами (Афанасий Александрийский) и особенно отцами каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский) ипостасную концепцию соотнесения общего и единичного. Эта концепция основана на идее троичности, и согласно ей мышление, сознание и язык рассматриваются как ипостаси единого ментально-лингвального комплекса (МЛК) [16, 664]. Названные объекты, будучи ипостасями единого, характеризуются как единосущные, неслиянные и в то же время нераздельные. МЛК - это самоорганизующаяся информационная система, функционирующая на основе мозга и обеспечивающая восприятие, понимание, оценку, хранение, порождение и передачу информации.

3. Соотношение рефлексивного и нерефлексивного, сознания и бессознательного и проблема языка

Понятие бессознательного в философии имеет множество синонимов и дефиниций. Мы ориентируемся на следующее определение: «совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в

сознании субъекта» [29, 52]. При этом уточним, что мы будем иметь в виду не только бессознательное физиологической природы: от потери сознания до фрейдовского «либидо», но и бессознательные мыслительные процессы. Как справедливо отмечает В.А. Лекторский: «Стало общим мнение, что на бессознательном уровне человек осуществляет множество разнообразных видов мыслительной деятельности: выдвижение и опробование гипотез, рассуждение, интерпретация и т.д.» [10, 146].

Под «рефлексией» понимается «принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное содержание самого знания, критический анализ его содержания и методов познания; деятельность самопознания» [29, 579].

Понятие «нерефлексивное» менее разработано в философии, однако ряд философов обращался к его исследованию. Так в феноменологии Э. Гуссерля термину «нерефлексивное» соответствует понятие «естественной установки», для Ж.-П. Сартра неорефлексивное - это то же, что преорефлексивное, при этом он постулирует тезис о том, что Я предшествует всякой рефлексии. М. Мерло-Понти углубляет учение Сартра о преорефлексивном самосознании, провозглашая восприятие формой первичного контакта человека с миром, еще не нагруженной интеллектуальными и созерцательными конструкциями, поскольку в восприятии субъект не противопоставляет себя миру, а наоборот срачивается со средой и вписывает себя в определенный контекст [14, 18]. В американской аналитической философии (Дж.Серл) термин «нерефлексивное» употребляется для обозначения сознательных содержаний, не тематизированных в рефлексии в данный момент и выступающих в качестве «фона» для сознательной активности.

Термин «нерефлексивное» может употребляться для обозначения всех недоступных в рефлексии психических содержаний (бессознательное психическое, а также переживания на уровне первичной связи сознания с телесно-перцептивными способностями), а также неактуальных психических

содержаний, выступающих в качестве того контекста, в рамках которого возможна всякая рефлексия. Это употребление термина свойственно отечественной философии (Д.И. Дубровский).

Можно назвать несколько разновидностей нерефлексивного взаимодействия внутреннего мира человека с миром: 1) становление всеобщего мыслительного содержания, здесь имеется в виду неконтролируемость процесса формирования содержаний коллективной ментальности; 2) становление сознания как индивидуального акта, имеется в виду неконтролируемость формирования предпосылок сознания отдельного субъекта [13, 16]; 3) интуитивная способность человека, которой свойственны неожиданность, неосознанность, непосредственность. Именно второе и третье свойства и позволяют отнести интуицию к области нерефлексивного.

В истории европейской философии аристотелевско-гегелевского типа на протяжении довольно длительного периода в рамках рефлексивной установки сознания в центр изучения ставилась логико-мыслительная деятельность субъекта, а нерефлексивные аспекты элиминировались в силу их индивидуальности. В результате такого подхода в фокусе философского исследования оказывалось предметно-логическое содержание, полученное путем приведения чувственного материала к форме мысли. Представляет это предметно-логическое содержание универсальная знаковая система вербального языка - номинативный язык. Высказывания, сделанные на языке предметных номинаций, можно назвать объектными высказываниями, их основные единицы - слова-термины и предложения, имеющие в качестве основы субъектно-предикатные суждения.

4. Проблема специфики и взаимосвязи образа, знака и символа

В основе представлений человека лежат образы, являющиеся основными единицами восприятия. Область их функционирования столь широка, что они, с одной стороны, действуют в бессознательном, как бы «прорастают» в неосознаваемое, во-первых, генетически (как порожденные

этим уровнем); во-вторых, функционально (как психически значимая информация); в-третьих, аксиологически (как психология оценки) [18, 121]. Иногда образы полностью погружены в неосознаваемое, иногда они фиксируются сознанием. Чтобы образ проник в сознание, он должен быть представлен сознанию каким-то знаком, его обозначающим.

Знак - «это абстракция указывания как такового» [3, 473]. Сущность его заключается в том, что его бытие равняется его применению, а применение состоит в том, что знак указывает на что-то. Чем более определенным является обозначение чего-либо знаком, тем в большей степени знак является чистым знаком, то есть исчерпывается своей подчиненностью обозначаемому.

Можно выделить две линии происхождения знака: 1) из сигнала, в этом случае, выходя на уровень сознания, сигнал становится знаком и декларирует свое идеальное содержание уже вне конкретной ситуации; 2) из образа, то есть знак обозначает различного рода представления, что и способствует их осознанию.

Доминанта рационалистически направленного типа философии с ее инструментальным пониманием языка привела к упомянутому нами преобладанию в европейской философии изучения языка как системы знаков - слов, а идеалом языка стал язык - система однозначно определенных знаков (Платон, Аристотель, Г.В. Лейбниц, Ф.Бэкон, Г.Фреге, Р. Карнап и др.).

Итак, знаки только обозначают объекты, указывая на них. По-иному дело обстоит с символом. Существует множество дефиниций данного понятия: от крайне узкого, например, символ в науке (логике, математике и др.) - «то же, что *знак*» [29, 607], до предельно широкого. Так, Э. Кассирер в своей философии символических форм определяет язык, миф, науку, искусство, религию как символические формы [6, 394].

В философском энциклопедическом словаре читаем: «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без

другого, но разведенные между собой и порождающие символ» [29, 607]. В отличие от знака смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Как пишет К.Г. Юнг: «Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл» [32, 51]. П.А. Флоренский отмечает по поводу символа: «Символы не укладываются на плоскости рассудка, структура их насквозь антиномична. Но эта антиномичность есть не возражение против них, а, напротив, - залог их истинности» [28, 344].

Важное значение имеет символ в первобытном мышлении в силу его иррационального, алогичного, бессознательного характера. Как пишет А.Ф. Косарев: «Наиболее полное выражение символ получает в мифе, вследствие чего миф всегда и насквозь символичен, а символ - всегда и насквозь мифологичен» [8, 66].

Обращаясь к символу как форме языка НФП, мы будем иметь в виду символику двух типов: 1) вербальную (дискурсивную), отсылающую к содержанию при помощи языковых средств (легенды, мифы, притчи, отдельные слова, фразы и д.т.); 2) презентативную (недискурсивную, образную), отсылающую к содержанию при помощи изобразительных средств разного вида (архитектурные и культовые сооружения, орнаментальные мотивы, алхимические рисунки, образы-символы и т.п.) [11, 131].

Как мы отмечали ранее, образ, знак и символ не изолированы друг от друга, между ними существует взаимосвязь как в происхождении, так и в функционировании.

5. Нерефлексивные формы познания и особенности изучения их языка

Нерефлексивные способы получения информации отличаются от рефлексивных по своим *онтологическим, культурно-историческим, операциональным и синтаксическим* свойствам, что наглядно представлено

нами в таблице «Сопоставление свойств рефлексивных и нерефлексивных способов получения информации».

№ п/п	Параметры сравнения	Рефлексивные способы получения информации (рефлексия)	Нерефлексивные способы получения информации (экспрессия генов, ощущение, непосредственное восприятие, интуиция)
1	Онтологические свойства	Рефлексивное базируется в пределах произвольного мышления. Сфера бытия - осознанное. Субъект и объект противопоставлены, что приводит к отчуждению познающего и познаваемого, в результате чего человек противопоставляется природе.	Нерефлексивное лежит за границами произвольного мышления. Сфера бытия - бессознательное. Противопоставление субъекты и объекта нет, в связи с чем отсутствует феномен отчуждения познающего и познаваемого, а человек не противопоставляется природе, а связывается с ней.
2	Культурно-исторические свойства	Рефлексивное базируется на нерефлексивном, поскольку любое когнитивное отношение человека к миру основано на нерефлексивном. Произвольному мышлению предшествуют экспрессия генов, ощущение, непосредственное восприятие и интуиция. Рефлексия свойственна как теоретическому, так и обыденному познанию. Культурно-исторические формы, организации когнитивной деятельности человека, в которых рефлексия занимает главное место - это философия, наука, теология, мифология.	Нерефлексивное - основа когнитивного отношения человека к миру, поскольку экспрессия генов, ощущение, непосредственное восприятие и интуиция в филогенетическом и онтогенетическом аспектах предшествуют произвольному мышлению и являются условиями его существования. Первые культурно-исторические познавательные системы, включая в себя рефлексивный фактор, основывались на факторе нерефлексивном. Таким нерефлексивными формами познания являются магия, мантика, мистицизм, где снятие рефлексивного отношения человека к миру выступает необходимым условием получения достоверной информации об объекте
3	Операциональные свойства	Рефлексия - сознательное сосредоточение внимания субъекта на совокупности своих понятий и представлений. К рефлексивному мышлению применимы законы организации понятийного мышления (законы формальной логики), оно использует основные формально-логические методы познания: дедукция, индукцию, анализ, синтез и пр.	1. На уровне генетической информационной системы экспрессия генов регулируется произвольной активизацией психосоматических структур личности, и как результат - развитие определенных способностей, регуляция психофизического состояния, лечение и пр. 2. На уровне сенсорной информационной системы получение и обработка информации регулируется произвольным повышением или понижением порога восприятия органов чувств. 3. На уровне перцептивной

			информационной системы восприятие значимых аспектов реальности достигается снятием с объектов созерцания их смысловой нагрузки, элиминацией комплексов внедренных социумом в сознание человека значений предметов. 4. На уровне ментальной информационной системы специфика получения и обработки информации заключается в увеличении роли интуиции. В этом случае информация получается и обрабатывается субъектом в состоянии бессознательного сосредоточения, необходимое условие которого - нейтрализация потока осознанных представлений, переход с базового состояния сознания в измененное.
4	Синтаксические свойства	Основным способом выражения рефлексивной информации является номинативный язык объектных высказываний, передающий предметно-логическое содержание и основанный на субъектно-предикатных отношениях. Основными способами выражения рефлексивной информации с точки зрения формальной логики являются понятия, суждения и умозаключения, которые, в свою очередь, эксплицируются в языковых формах номинативного языка объектных высказываний.	Основными способами выражения нерефлексивной информации являются образ, символ и троп (метафора, метонимия). Образно-символическая информация не может быть адекватно эксплицирована в предложениях номинативного языка объектных высказываний, поскольку: 1) образ является сугубо личным, индивидуальным; 2) символ безгранично многозначен; 3) специфика тропических структур (метафора, метонимия) заключается в нарушении формально-логических законов вообще и закона противоречия в частности; 4) трансляция знаний в нерефлексивных формах познания часто осуществляется в личном контакте адептов, при котором возможно невербальное общение, а также создание и использование особых символических систем (визуальных, тактильных и пр.).

Сфера реализации НФП - сфера бессознательного, находящаяся за пределами рефлексии, поэтому их содержание не может быть выражено вербальным языком логических категорий - номинативным языком объектных высказываний.

При изучении языка НФП мы сталкиваемся с ситуацией, когда, базируясь в области бессознательного и эксплицируясь в образах и символах, содержание НФП может быть осмыслено самим субъектом и передано другим людям только будучи осознанным и эксплицированным средствами вербального языка. Таким образом, налицо взаимодействие между уровнями сознания и бессознательного.

Из трех основных форм языка (образ, знак, символ), находящихся во взаимосвязи как в плане происхождения, так и в плане функционирования, образ и символ в силу своей специфики представляются нам основными формами языка НФП. Докажем это на примере некоторых типов НФП

6. Язык магии как НФП

Мы рассмотрим язык двух разновидностей магии: примитивной магии (шаманизм) и даосского пути достижения бессмертия.

Специфика языка примитивной магии определяется рядом факторов, ясно указывающими на взаимосвязь языка, мышления и сознания: 1) специфика архаического мышления: закон партиципации, мифологическая апперцепция, «первобытный синкретизм» в понимании мира, иррациональный, алогичный, бессознательный характер; 2) доминанта у человека архаических эпох правого полушария, что привело к образности и метафоричности как мышления, так и языка; 3) важная роль мифа, в котором фиксировались все знания древних о мире и о себе.

Язык примитивной магии в целом и шаманизма в частности включает языковые формы как вербального, так и невербального типа.

Главным средством языкового выражения в мифе, элементы которого являлись неотъемлемой частью магического ритуала, выступает символ (смыслообраз), поскольку именно он «живет антитезой логического и алогичного, рационального и иррационального, понятного и непонятного» [12, 93]. Среди символов мифа особо выделяются две группы: базовые и доминантные. К базовым символам относятся: во-первых, анимототемные, содержащие представления о родстве человека с природными объектами, о

рождении и смерти, о наследовании жизни, о соотносимости смерти и бессмертия и др.; во-вторых, символы мировых стихий, например, солнце / луна - это символы дня и ночи, света и тьмы, воскрешения и умирания; в-третьих, символ мирового древа, где, к примеру, крона символизирует небо (Верхний мир), ствол - землю (Средний мир), корни - подземный (Нижний) мир. В этой системе взаимосвязей символически задается ориентация верха и низа мирового порядка как добра и зла, света и тьмы и т.д.

Доминантными символами являются такие, которые повторяются во многих мифах и вокруг которых происходит перегруппировка подчиненных символов [26, 36].

В структуре символа можно выделить ряд смыслов: 1) скрытый, базовый смысл, полностью бессознательный; 2) частично осознаваемый смысл, при определенных обстоятельствах способный раскрыться; 3) явный смысл, осознаваемый всеми членами рода и направленный на коллективные цели [2, 159].

Субъектом шаманизма как НФП является шаман - особый человек, выполняющий функцию посредника между людьми и духами Верхнего и Нижнего мира и способный для этой цели входить в измененное состояние сознания (ИСС). Функционирование у шамана нескольких каналов восприятия позволяет ему получать информацию в НФП в виде организованных связных образов. Так, например, образ высокой стены у дома Таканакапсалука - морской богини - будет для эскимосского шамана символом ее гнева, образ грязи и нечистот на ее теле - символом людских злодеяний. Языковой формой особого шаманского переживания - прозрения, «просветления» - является образ особого света - «*анак уа*» [27, 63]. Примером получения шаманом информации в форме образа и одновременно символа является понимание опыта смерти и возрождения, означающее завершение поиска.

Важное место в магическом ритуале занимают предметы-символы, например, шаманский бубен является одновременно и орудием введения

шамана в измененное состояние сознания (ИСС), и символом Вселенной, и путеводной картой (на нем изображены шаманские маршруты и ориентиры), и средством общения с духами и пр.

Немаловажную роль в магическом ритуале отводится средствам языка жестов, мимики, телодвижений и танца.

Помимо рассмотренных в качестве специфических форм языка примитивной магии - символа и образа, а также отдельных элементов языка танца, необходимо отметить тесно связанную с образностью метафоричность архаического мышления и как результат этого - метафоричность языка магии. Причина этого, вероятно, кроется, во-первых, в доминанте у архаического человека правого полушария; во-вторых, в скудости языка, по причине которой метафора помогала человеку даже с помощью небольшого словарного запаса охватить огромное количество вещей.

Основными характеристиками языка даосского пути достижения бессмертия как НФП представляются следующие:

Во-первых, функцию методологического основания даосского учения о достижении бессмертия выполняет нумерология «И цзин», а точнее сказать, ее каноническая часть «Чжоу и». Весь алхимический процесс взращивания бессмертного зародыша (как во «внешней» алхимии, так и во «внутренней») описывается через операции с символами - триграммами (*гуа*) (ТГ), гексаграммами (ГГ), и чертами (*яо*).

Во-вторых, символичность наблюдается и в построении даосских текстов как общего назначения (например, «Дао - дэ цзин»), так и текстов по алхимии (например, «Глава о прозрении истины» Чжан Бо-дуаня).

В-третьих, наблюдается наложение нумерологической символики «И цзин» и календарной символики.

В-четвертых, наблюдается многослойность алхимических текстов. К примеру, В «Главах о прозрении истины» первый слой (уровень, смысл) стихов является аллегорическим, второй - действительным, или «эзотерическим».

В-пятых, если первый пласт языка даосского пути достижения бессмертия может быть охарактеризован как нумерологический (основан на символах «И цзин»), то второй пласт - это собственно алхимическая терминология, связанная с названиями конкретных вещей и являющаяся в высокой степени символичной и метафоричной [24, 99]. Так, киноварь именуется «кроваво-красным младенцем», реальгар и аурипигмент - «мужской» и «женской» желтизной, уксусная кислота - «цветочным прудом» и т.д. Причина такого рода символичности и метафоричности кроется, вероятно, в высокой степени символичности самого алхимического процесса, в котором минералы и металлы являются символами стоящих за ними сил Универсума.

В-шестых, «внутренняя» алхимия как таковая может пониматься как метафора особого психофизического тренинга, направленного на трансформацию психосоматических характеристик адепта, то есть на создание бессмертного тела и просветленного сознания.

В-седьмых, дао - главная категория рассматриваемой НФП - определяется как необъективируемая, непознаваемая, невербализуемая средствами дискурса, то есть средствами номинативного языка объектных высказываний.

7. Язык древнекитайской мантики как НФП

Главным языковым элементом мантического ритуала *бу* (гадание на панцире черепахи или костях крупного рогатого скота) является особый символ, полученный в результате обжига кости или панциря. Гадатель должен интерпретировать форму, число, направление, величину трещин и в результате расшифровать символ. Информация полученная таким образом воспринималась как повеление предков.

Язык мантического ритуала *ши* (гадание на стеблях тысячелистника) связан с особыми символами - 64 гексаграммами (ГГ) «Чжоу и», причем каждая ГГ рассматривается в качестве символа действительности. Отметим также следующее: 1) каждая ГГ имеет свое название; 2) при половине ГГ

имеются особые мантические формулы; 3) каждой ГГ соответствует афоризм; 4) афоризмы прилагаются также к каждой отдельной черте; 5) иньская черта имеет числовое значение шесть, янская - девять. Именно в построении ГГ и ее интерпретации заключается сущность данного мантического ритуала.

«Чжоу и» можно разделить на три слоя, отличающиеся друг от друга по содержанию, технике мышления и языку [30, 105], что свидетельствует о том, что текст прошел путь от неопределенной полисемантичности недифференцированных образов (понятий-представлений) (1-й слой) через символические мыслеобразы (2-й слой) к точно очерченным образам-понятиям (3-й слой).

В общем и целом атмосфера «Книги Перемен» и связанного с ней мантического ритуала *шун* - это атмосфера образности и метафоричности. Например, вместо того, чтобы сказать об уместности коллективного действия, «Книга Перемен» говорит: «Когда рвут тростник, то другие стебли тянутся за ним, так как он растет пучком. Стойкость к счастью. Развитие» [30, 191]. Встречаются специфические стандартизированные образы, своего рода формулы: «Благоприятен брод через великую реку», то есть ситуация предрасполагает к какому-либо делу.

Имя ГГ и афоризм тесно связаны с ее графическим образом, что проявляется, во-первых, в часто встречающемся соответствии места расположения графемы и объекта, о котором говорится в соответствующей глоссе (например, в парафразах к нижним графемам часто говорится о предметах, расположенных внизу: ступни, голени хвост и пр.)

После построения ГГ (существует несколько способов построения ГГ) и ее интерпретации (отмечаются различные способы интерпретации) следует выбор текста глоссы, весьма афористичного, малопонятного и двусмысленного. Причем выбор глоссы часто совершался интуитивно.

Из выше сказанного следует, что ни одна составляющая мантического ритуала и его языка не может быть формализована, что свидетельствует об их нерелексивном характере.

8. Язык мистицизма как НФП

Мы обратимся к исследованию двух форм мистицизма, обе из которых могут быть отнесены к НФП - дзэн-буддизм и западная (католическая) версия христианского мистицизма европейского средневековья.

Дзэн не является системой, основанной на логическом анализе, поскольку логическое мышление бессильно там, где дело касается центральной проблемы жизни [23, 65]; дзэн не имеет дела с догматами, не содержит символов, раскрывающих его значение, не признает авторитетов; он выше всяких понятий, поэтому допускает восприятие и чувство, но не абстракцию и анализ. Цель дзэна - узреть основу жизни, проникнуть в природу ума, постичь реальность без интеллектуальных, ритуальных, моральных затруднений, т.е. достичь *сатори* (или *кэнсе*), представляющий собой интуитивное проникновение в природу вещей, противоположное логическому ее постижению.

Средства достижения *сатори* различны, но ни одно из них не постижимо и не объяснимо рациональным путем. *Сатори* - очень личное переживание, а потому оно не может быть выражено и передано средствами номинативного языка объектных высказываний или описано каким-либо иным способом; познать *сатори* можно, лишь однажды испытав его. В дзэне существуют теоретические и практические пути, направленные на достижение этого мистического состояния. Так, например, испытать его можно с помощью какого-либо звука, крика, удара и пр. В этой связи показателен пример: «Один монах неожиданно постиг свою первоначальную сущность, когда услышал звук обвалившейся кучи дров. В этом звуке он слышал падение всех вещей - иллюзорных мыслей, привычных путей сознания, и этот распад дает возможность проявиться чистому

существованию» [7, 542]. *Сатори (кэнсе)* может быть вызвано каким-либо визуальным образом, например, образом цветущего персика и т.п.

Испытать *сатори (кэнсе)* можно также в результате работы с особой языковой формой - *коаном*, представляющим собой «...какое-нибудь утверждение, сделанное древним учителем Дзэна, или какой-нибудь ответ, данный им вопрошающему» [23, 286]. Например: «Один монах спросил Тосана: «Кто такой Будда?» - «Три циня хлопка»» [23, 286]. *Коан* не допускает умственной интерпретации, его цель - вывести ученика за пределы рассудка.

Вербальный номинативный язык объектных высказываний бессилен в дзэне, поскольку, будучи тесно связанным с интеллектом, он мало пригоден для выражения переживаний, лишенных «умственного» элемента. Поэтому «девизом» дзэна могут быть слова: «Никакой зависимости от слов!» [24, 68].

Христианские мистики европейского средневековья (Мейстер Экхарт, Гуго Сен-Викторский, Бонавентура, Генрих Сузо, Иоанн Таулер, позднее - Яков Беме, Агриппа Неттесгеймский и др.), как впрочем большинство мистиков всех времен, едины во мнении, что адекватно выразить и передать сущность мистического переживания при помощи вербального языка невозможно. Чтобы знать о подобного рода переживании, необходимо лично испытать его. Средневековые мистики выдвинули тезис о тождестве бога и души в пределах субъективности, причем и бог и душа для субъекта, во-первых, есть «ничто»; во-вторых, им невозможно дать рационального объяснения и, соответственно, логического определения. Бог для человека есть «сверхсущее Небытие» [31, 149]. Бог не имеет образа, поскольку образ могут иметь лишь чувственные вещи: «Бог действует в душе без всякого средства, образа и подобия. Он действует в основе, куда никогда не попадал ни один образ» [31, 31]. Поскольку бог непознаваем ни при помощи рациональных процедур, ни при помощи органов чувств, постольку способом познания его должна стать интуиция.

Мистическое переживание - это «чистое» переживание, в котором нет деления на форму и содержание, поскольку человек становится выше субъект-объектных отношений, когда осознает свою тождественность с бытием, а потому о таком переживании не может быть составлено объективное суждение номинативного языка.

Данная НФП выступает как откровение, момент просветления, которое может быть вызвано при помощи таких языковых средств, как визуальные образы, символические образы, фразы, отдельные слова, а также при помощи световых эффектов, запахов, звуков и пр.

Информация, являющаяся результатом мистического переживания, характерного для рассматриваемой НФП, носит различный характер: это и предвидение будущих событий, и внезапное проникновение в смысл чего-либо, и знание о событиях, происходящих вдали от субъекта, а также истины теологического и метафизического характера; и может выражаться для самого субъекта в форме отдельного образа, «образной картины» или символа. Яков Беме пишет по этому поводу следующее: «В четверть часа я увидел и узнал больше, чем могло бы мне дать многолетнее пребывание в университете, ибо я увидел и познал существование всех вещей, глубину и бездну, вечное зарождение Св.Троицы, происхождение мира и всех тварей от божественной мудрости» [4, 327].

Адекватная передача такого рода информации невозможна, поскольку образ сугубо индивидуален, а символ безгранично многозначен.

Заключение

Во-первых, в рамках рефлексивной установки сознания, доминирующей в философии аристотелевско-гегелевского типа, изучалась в основном рефлексивная, логико-мыслительная деятельность субъекта и выражающий ее номинативный язык объектных высказываний, а нереплексивные содержания ментальности и язык, их выражающий, элиминировались из поля зрения исследователей. Однако попытки ответить на вопрос о специфике языка бессознательного, нереплексивного все же

предпринимались, в частности в герменевтике, структурном (лингвистическом) психоанализе и психоаналитической философии юнгианского типа.

Во-вторых, возможным решением проблемы взаимосвязи языка, мышления и сознания, по нашему мнению, представляется концепция ментально-лингвального комплекса (МЛК) - самоорганизующейся информационной системы, функционирующей на основе человеческого мозга и обеспечивающей восприятие, понимание, оценку, хранение, порождение и передачу информации.

В-третьих, в качестве специфических форм языка выступают образ, знак и символ, взаимосвязанные как генетически, так и функционально

Сформулировав теоретико-методологический базис исследования языка НФП, мы предприняли попытку продемонстрировать его эффективности, для чего обратились к анализу языка пяти конкретно-исторических типов НФП: *примитивной магии* (в частности *шаманизма*), *даосского пути достижения бессмертия*, *древнекитайской мантики*, *дзэн-буддизма* и *христианского мистицизма европейского средневековья*.

Данные конкретно-исторические типы НФП характеризуются рядом существенных черт, коренным образом отличающих их от форм познания, основывающихся на рефлексии. НФП базируются на принципах, кардинальным образом отличных от принципов рассудка и рефлексии; в них отсутствует противопоставления субъекта и объекта, они реализуются в основном в сфере бессознательного; законы логики в НФП не действуют, главным методом познания в них выступает интуиция; способом преодоления субъектом барьера между *phaenomena* и *noumena* является трансцендирование и др. В связи с этим нами выдвигается предположение о наличии у данных познавательных феноменов особого языка.

По нашему мнению, нерелексивные содержания ментальности могут быть выражены языком образов, символов и метафор. Образы являются универсальной формой человеческого восприятия, появившейся до

возникновения других языковых форм. Образы лежат в основе представления и действует как в сфере сознания, так и в бессознательном.

Символ характеризуется множественностью смыслов, многосложностью и многоуровневостью структуры и одновременной принадлежностью к сферам сознания и бессознательного. Символ всегда больше, нежели его непосредственное значение, что требует активной внутренней работы воспринимающего. В силу своей специфики связать сознание и бессознательное, чувственно воспринимаемое и умопостигаемое, иррациональное и рациональное, образ и идею непознаваемое и уже познанное.

Язык НФП метафоричен, поскольку в отражающих неререфлексивными формами познания ментальных структурах логика либо вообще не играет существенной роли, либо подчинена интуиции, выступающей в качестве основного метода познания. Специфика же метафоры как раз и заключается в нарушении логических законов вообще, и закона противоречия в частности.

Что же касается проблемы невозможности адекватного описания и передачи состояний и знаний, достигаемых в НФП, то, по нашему мнению, прояснению ситуации могут способствовать следующие положения. Во-первых, знания, являющиеся результатом НФП, ближе к знаниям личным и эксплицируются в образно-символических и метафорических формах, в отличие от знаний коллективных, эксплицирующихся в формах вербального языка и логики (номинативный язык объектных высказываний). Во-вторых, в психофизиологическом единстве личности любая полученная неререфлексивным путем информация может осмысливаться самим субъектом и передаваться другим только к рефлексивным формам. Особенности же НФП выводят их за рамки логико-мыслительной деятельности и предметно-логического содержания, в котором основополагающим является оппозиция субъекта и объекта, что реализуется в субъектно-предикатной структуре вербально-логических языковых форм (в номинативном языке объектных высказываний). Здесь и возникает главная трудность - информация (знания),

существующая в формах образно-символических и метафорических трудно переводима в вербально-логические формы.

Библиография

1. Бескова И.А. Язык символов как эпистемологический феномен / эволюция. Язык. Познание. - М., 2000, с.134-162.
2. Боброва С.П. Мифологическое сознание: методологические проблемы исследования семиотического компонента. Иваново, 1997.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1988.
4. Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. - СПб., 1993.
5. История современной зарубежной философии: компаративистский подход. - СПб., 1997.
6. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. - М., СПб., 2000.
7. Кацуки С. Практика Дзэн / Дзэн-Буддизм. - Бишкек, 1993.
8. Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. - М., СПб., 2000.
9. Лакан Ж. Телевидение. Пер с фр./ Перевод А. Черноглазова. - М., 2000.
10. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. - М., 2001.
11. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики, разума, ритуала и искусства. - М., 2000.
12. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. - М., 1990.
13. Матяш Т.П. сознание как единство нерелексивности и релексивности. Диссертация на соискание уч.ст.д.филос.н. - Ростов н/Д, 1990.
14. Микешина Л.А. философия познания. Полемиические главы. - М., 2002.
15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб., 1999.
16. Морковкин В.В. Язык, мышление и сознание // Русский язык. Энциклопедия. - М., 1998.
17. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т.4. - М., 2001.
18. Романов Ю.И. Философия образа (Онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты). Диссертация на соискание уч.ст.д.филос.н. - СПб., 1997.
19. Сердюков Ю.М. Нерефлективные формы познания. - М., 1997.
20. Сердюков Ю.М. Критический опыт психофизического дуализма. - Хабаровск, 2003.
21. Сердюков Ю.М. Демифологизация магии. - Уссурийск, 2003.
22. Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии (Человек в пространстве культуры). - Новосибирск, 1996.
23. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма / Дзэн-Буддизм. - Бишкек, 1993.
24. Судзуки Д. Мистицизм: Христианский и буддистский. - Киев, 1996.
25. Торчинов Е.А. Даосизм. - СПб., 1999.
26. Тэрнер В. Символ и ритуал. - М., 1983.
27. Уолш Р. Дух шаманизма. - М., 1996.
28. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. - М., СПб., 1990.
29. Философский энциклопедический словарь. - М., 1983.
30. Щуцкий Ю.К. Классическая китайская «Книга Перемен». - Ростов н/Д., 1998.
31. Экхарт, Мейстер. Духовные проповеди и рассуждения. - СПб., 2000.
32. Юнг К.Г. Архетип и символ. - М., 1991.

